

Хроника пикирующего Питер Пэна

Известия — 1999
24 марта. — с. 5
Денис ГОРЕЛОВ

Митта Александр Наумович. Режиссер, преподаватель драматургии, автор книги «Между адом и раем». Постановщик фильмов «Друг мой, Колька!», «Звонят, откройте дверь», «Точка, точка, запятая...», «Гори, гори, моя звезда», «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», «Сказка странствий», «Экипаж», «Шаг», «Затерянный в Сибири». В воскресенье ему 66.

Левак, поэт, шаман чистого искусства, Александр Митта фактически предвосхитил необуржуазную революцию, первым сделав шаг вправо. Он, романтизовавший одиночку, Иисуса-радикала с кумачовым занавесом в торбе, узелком снадобий и чертежом рукотворного нетопыря на ветхом рубище, первым понял, что в стране принудительной душевности, азарта и огонька самым авангардным, неожиданным, раздражающим будет молодой фронтальный консерватизм. Массовое кино, семейные ценности, бытовой героизм, цветные коляски, спелые красотики, шикарные усы и летные эмблемы; все, против чего бунтуют адепты рваных вен, анемичных девиц, свободных профессий и актуального искусства.

«Экипаж» вызвал в художественно-критических кругах бурю ненависти. Режиссер-маяк, автор манифестов творческой личности, способной надавать по морде имущим хаммам, изобрести порох и велосипед, грохнуть фашистскую чуму и найти золото, Робеспьер с трубкой и в революционном шарфе через плечо

вдруг восславил людей дела и простые человеческие отношения! Это было предательством комиссара, дюжиной ножей в спину сюрреализма, залпом гвардейских минометов по башне из слоновой кости.

Это было предвестием нового мира, в котором консерваторы были на четверть века моложе радикалов, яйца советовали курице считать деньги и заниматься общественно полезным трудом, аксакалы пытались с разных сторон поджечь море, а человек, делавший дело, читавший книги и растивший детей, слыл великим авангардистом и оригиналом. Особенно оскорбил всех факт не корыстного предательства, но сознательной измены: оглушительный прокатный успех приносил авторам всего-навсего второй гонорар при пересечении 50-миллионной отметки, а в лицо народ знал не авторов суперхитов, а тех, кто вел «Кинопа-нораму». Овчинка явно не стоила выделки. Режиссер пошел поперек словесия и клана исключительно из эстетических соображений.

Собственно говоря, этим он и занимался всю жизнь. Славил хулига-

Летчик, Царь, Трубоч. Три идеалиста, три героя Александра Митты

на, слабохарактерного растяпу и влюбленную троечницу в «Друг мой, Колька!», «Точка, точка, запятая...» и «Звонят, откройте дверь». Снимал сплошь полуопальных таганских артистов: Высоцкого, Смехова, Филатова и Золотухина. В «Гори, гори, моя звезда» яблоки делал синими, а глаза алыми. Одним из первых, всем запретам назло, подпустил в свое кино обнаженной натуры: глазеть на боярышню Ртищеву Наташу в предвечном тазике да на стюардессу по имени Тома в смятых простынях бегали повзводно. В 72-м, на самой заре романтического златопогонного ренессанса, когда фатоватые поручики и разбойные есаулы в унисон запели с экранов «Русское поле» и «Ваше благородие», ветераны-полковники уходили в море с десятью апостолами ошуюю и одесную, а штаб генерала Май-Маевского в пяти сериях цвел интеллигентностью, добротой и щегольскими аксельбантами, — изобразил господ офицеров отменными свиньями с высшим

образованием и языками — какими они, собственно говоря, и были. Его Петр был сумасброд и фанатик, народ — овечье стадо под брезентухой, а предревкома, гася махновский мятеж, больше всего сокрушался, сколько стекол побьют пулеметчики с обеих сторон.

И главным, самым важным, принципиальным вопросом его кино было — личность или не личность. «Пап, ну не личность он», — объясняла огневому отцу-командиру беременная дочка нежелание идти за будущего папашу. «А я первая сказала, что Жильцов личность!» — хвасталась королева класса по окончании выигранной лопухом эстафеты. Личностями, яркими заплатами на блеклом народном рулоне были Царь и Режиссер, Лекарь и Пилот, Женщина и Учитель — а чернь трепетала, бесновалась и подобострастно ржала вокруг: селяне в «Звезде», пассажиры в «Экипаже», бояре да дворяне в «Сказе про арапа». Культ Азарта и Мысли, подчинения небес и све-

тил, спора с волной, наганом и абсолютизмом соседствовал у него с откровенной неприязнью к нищему духом, рожденному ползать обывателью. И никогда, никогда личностью у него не был бандит, производное от этого сонного коллективного мурла, — бандит, являющийся едва ли не в каждом фильме то в виде лихих людешек на окольной дороге, то в образе алчных средневековых кид-нэпперов, то мутной патлатой компанией в подъезде, а то в ремнях и черной косоворотке кулацкого атамана с демонически подведенными сажер очами. Все они — из личностей-неудачников, у каждого за спиной — артистическое или стихотворное фиаско, каждый шпаге предпочитает кистень, винтовке — обреза, а подруге — шалашовку. Вся их удаль — ночная да всемером на одного, а днем они вполне приличные непривлекавшиеся граждане и местами даже члены профсоюза. Голуби у них — ворованные, свобода — кабацкая, песни — жлобские («И ни в чем не виноват — а кто докажет?»), курят — и то в кулак, чтоб наколки в рукав спрятать. Как истый романтик, Митта всю жизнь на дух не переносил блатной эрзац и от души вытер об него ноги в последнем фильме «Затерянный в Сибири».

Его герои были заведомо обречены. Они разбрасывались жизнями для хорошего дела и пленительной идеи всеобщей просвещенности и долголетия: «И наверно, конечно, погибну — а потом вы играйте меня», как писал автор песен к миттовским картинам Юлий Ким в поэме о лицедеях и зрителях. Доктор Орландо умирал от чумы, оставляя в прошлом чад погребальных костров, театрального подвижника Искремаса валила пуля «зеленого» недобитка, пневмония витала над горячечным взором флотодела Петра, да и летчик Тимченко в финале «Экипажа» падал в дачную клумбу, чтобы больше не подняться, — умиротворяющий зимний финал в клинической больнице был доснят лишь после упорного давления «мосфильмовских» продюсеров в духоподъемных целях. Все они были фитилями-ко-

миссарами, с детства готовили себя к подходящей амбразуре, чтоб встретить ее в белой рубаше и с чистыми помыслами. Лишь перед «затерянным в Сибири» археологом Энтони стояла задача посложней — не скатиться в скотину и притом выжить, ибо отдавать жизнь на Колыме было решительно не за что, кроме милой докторши Елены Майоровой. И выжил — посреди толковища выдерживал из-за пазухи аршинный саксан, разгонял топором банных насильников, совал зарвавшееся малолетнее бластье головой в печку, как за 40 лет до того соавтор сценария Валерий Фрид. Выжил, победил, плюнул, побрллся и женщину увез с собой.

Потому что был духом силен и в цеплянии за жизнь человеческих границ не перешагивал — таких, бывает, судьба хранит.

Митту корили за нереалистичность, не заметив, что, покончив с трилогией воспитания, ставил он исключительно сказки — о турнирах, засадах, о вольных стрелках, о героических рыцарях Ланцелотах, пошедших на промысел дракона не от христианской любви к ближнему, а по своим высшим самурайским соображениям. Он сочинял именно самураев — самосовершенствователей, стихослагателей, мыслителей, бойцов, которыми двигала не холодная отстраненность, а неистовая слепота гениев, рвущих постройку навстречу солнечному лучу. Что-то такое светловское очень, спелосальное, типа «смычками страданий на скрипках времен».

Мудрено ли, что среди победившего буржуазного строя Митта опять оказался оппозиционером, но не кликушеским добытчиком счастья народного (что нам, султанам, большие батальоны?), а подвижником снова утопической идеи государственного кинематографа. Кино личностей, а не торжествующих лакеев, борцов и клоунов в одном лице, железных жрецов просветительского культа.

Сегодня он преподает киноре-месло в Москве, как прежде в Гамбурге — в бюргерской с виду стране, о которой Годар снайперски точно сказал: «Германия всегда жила не разумом, а чувством».

Двух иных таких стран не сыщешь на карте Европы, и путь таких, как он, страстотерпцев всегда будет лежать на оси «Москва — Берлин». Меж Раскольниковым и Фаустом, Кремлем и Рейхстагом, Седьмой симфонией и Аппассионатой.

Меж угрюмым гением двух иско-ни враждующих держав.

Митта Александр Наумович